

ЭЛЕМЕНТЫ ДОМЕСТИКАЦИИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

А. В. Ачкасов

Аннотация. Русская переводная литература рубежа XX–XXI вв. характеризуется появлением элементов доместикации (русификации), не характерных для переводов советского периода. В новых подходах прослеживается влияние речевых практик 1990-х гг., в частности широкое использование и смешение просторечия, жаргона и сленга. Обращение к жанрам массовой литературы, в том числе содержащей сниженную и ненормативную лексику, также провоцировало поиск новых стилистических форм, были переосмыслены и ограничения на использование просторечия при переводе региональных или социальных субстандартов. В результате границы между стилистическим экспериментом, эпатажем и безвкусицей в переводах анализируемого периода оказались нечеткими и легко проницаемыми.

Ключевые слова: русская переводная литература, доместикация, русификация, лексический субстандарт, стилистический эксперимент

ELEMENTS OF DOMESTICATION IN RUSSIAN TRANSLATIONS AT THE TURN OF THE 20th–21st CENTURY

A. V. Achkasov

Abstract. Russian translations at the turn of the 20th–21st century feature the elements of domestication ('russification') that were not typical for translations of the Soviet period. The new approaches are marked by the influence of speech practices of the 1990s, in particular, the widespread use and mixing of vernacular, jargon and slang. An interest in mass literature that could as well exploit substandard and obscene language encouraged the emergence of new stylistic forms and the revision of restrictions on the use of vernacular for rendering regional and social dialects. Consequently, the margins between stylistic experiment, *épatage* and bad taste in translations became fuzzy and blurred.

Keywords: Russian translations, domestication, russification, substandard lexicon, stylistic experiment

Термин «доместикация» был предложен американским переводоведом Л. Венути в контексте анализа «культурного империализма» англо-американской школы перевода [32, р. 18–20], в рамках которой преобладает практика снятия культурных различий в пользу целевой аудитории. Термином «фо-

ренизация», входящим в бинарную оппозицию с термином «доместикация», Венути называет практику «нарушения культурных кодов» целевого языка [33, р. 69], сохранение в переводе элементов, дающих явные отсылки к иноязычной культуре и требующих больших усилий для понимания у целевой

аудитории. В контексте работ Вентути указанная терминологическая оппозиция имеет в значительной степени этический смысл: речь идет о фундаментальном «этноцентрическом насилии перевода» (“ethnocentric violence of translation”), в результате которого иностранные языки, тексты и культуры всегда будут в определенной степени подвергаться деформации [32, p. 310]. Доместикация рождает «иллюзию понятности» (“illusion of transparency”), в то время как форенизация (“foreignizing intervention”), нарушая культурные коды, создает напряжение, требующее усилий при восприятии текста. Вопрос состоит в том, какие именно подходы допускает конкретная культура, практики перевода в конкретный исторический период или политика издательств.

В переводоведении термины «доместикация» и «форенизация» постепенно утратили этот этический смысл и стали аналитическими категориями, обозначающими разные переводческие стратегии, не оцениваемые сами по себе как «хорошие» или «плохие», предпочтительные или нежелательные [31, p. 40]. Речь может идти о разных степенях или «уровнях» доместикации (радикальная, частичная, полная) в отношении разных жанров литературы, медиа-текстов, фильмов и т. д. Термин «доместикация» может использоваться в отношении разных явлений, включая «адаптирующие» практики перевода античности, средневековья и нового времени (см. общий обзор в статье В. А. Разумовской и Ю. Е. Вальковой [17]). Доместикацией называют переделки комедий Гольдони, действие которых перенесено в Россию, а имена персонажей изменены по принципу «фонетической близости оригиналу» (Баланцони — Баланцов, Панталоне — Пантелей, Флориндо — Флоров) [1, с. 311], поэтические переделки В. А. Жуковского, адаптирующие переводы И. Введенского, в которых Диккенс говорит языком Петербурга и простонародья. Граница между переделкой, адаптацией и доместикацией проницаема, а сами эти термины не имеют четких дефиниций.

Термин доместикация (и соответственно «форенизация») используется в более узком, «инструментальном» смысле, когда речь идет о конкретных переводческих решениях. В XX в. в переводческой практике уже преобладает представление о необходимости относительно «точного» воспроизведения оригинала, недопущении «искажений», добавлений или опущений, а теория перевода формулирует представление о разных видах и уровнях эквивалентности перевода. В этом случае в зависимости от материала или фокуса исследования термином «доместикация» обозначаются подходы к переводу единиц разного уровня. Чаще всего речь идет о переводе культурно-маркированной лексики, значительно реже — о единицах более высокого уровня или жанровых характеристиках текста. Так, русификация, являясь частным случаем доместикации, определяется как «сознательная или несознательная подмена переводимого на русский язык текста художественного произведения, написанного на английском, французском и других языках, стилистики оригинала на обычную стилистику русской речи» и проявляется, в частности, в форме «неоправданного включения диминутивов, форм субъективной оценки прилагательных, когда подобных средств нет в оригинале <...> неоправданного использования русских эмоциональных и выразительных частиц, подмены образного выражения оригинала расхожим русским выражением» [14, с. 156]. В широком смысле перевод всегда в той или иной степени является доместикацией, так как сам язык, являясь «звуковым и буквенным отражением культурного своеобразия того или иного народа» [17, с. 111], уже несет в себе определенные культурные и мировоззренческие элементы, проявляющиеся в лексической семантике, морфологии или синтаксическом строе. Передача на целевой язык речевого субстандарта или культурно-коннотированных элементов всегда реализуется как одна из стратегий доместикации. Поэтому содержание понятия «доместикация» (как частный случай — «русификация») меняется в зависимости

от ракурса исследования, а «оправданность» использования тех или иных единиц определяется вкусом переводчика и преобладающими представлениями о задачах перевода в конкретную эпоху.

В данной статье термин «доместикация» будет использоваться как обозначение стихийно сложившейся практики преодоления норм перевода, сложившихся в России в середине XX в. Указанные практики не связаны с изменением базовых подходов к переводу в России или смещением представлений о переводе в сторону этноцентризма. Они обусловлены изменениями языковых практик российского общества в целом на рубеже XX–XXI вв., «языковой свободой», характерной для этого периода, издательской политикой и квалификацией переводчиков. Речь пойдет об отдельных элементах доместикации (русификации), которые стали наиболее очевидным отражением указанных тенденций преимущественно на лексическом уровне. Вопрос не будет рассматриваться в аспектах эквивалентности, адекватности или качества перевода, так как «вариативно даже понятие “лингвистической ошибки”». Более того, «ошибки перевода, особенно в художественных текстах, могут быть не только понятными, но и значимыми в языке целевой культуры» [32, р. 18].

В середине XX в. в России сложился относительно стабильный «узус» языка переводной литературы. Спор между представителями формально точного и так называемого реалистического перевода середины XX в. в целом укладывается в парадигму «доместикация — форенизация». Несмотря на противоположность декларируемых позиций, принципы передачи субстандартов и культурно-маркированных элементов у представителей этих «школ» перевода были общими. Так, например, основатель школы реалистического перевода И. А. Кашкин, активно выступавший против введения иноязычных, не понятных читателю элементов (транскрипция и транслитерация реалий, «этнографическая экзотизация»), т. е. против элементов форенизации, столь же активно

требовал «отказа от несвойственных... языковых элементов родного языка»: «В разумных пределах допустимо введение в перевод русской идиоматики, но при этом уместно обойтись без “нешто”, “надысь”, “зазноб”, “шалопутов”, “сударок” и прочих “причиндалов”, которыми иные переводчики без нужды расцвечивают свой текст» [5, с. 459–460]. Подобной позиции придерживалось и официальное переводоведение. Показателен в этом отношении тезис А. В. Федорова о «негативном методе» передачи субстандартов. Признавая принципиальную неразрешимость вопроса адекватного воспроизведения региональных и социальных диалектов, Федоров предлагал избегать так называемой литературной лексики и синтаксических конструкций, что позволяло создать определенный контраст между речевыми характеристиками разных персонажей и в определенной степени компенсировало их общую нейтральность [20, с. 255–256]. В целом для переводов этого периода характерны стилистическое «выравнивание» и нейтрализация диалектных и региональных особенностей речи.

В 1990–2000-е гг. русская переводная литература претерпела значительные изменения, что было обусловлено рядом факторов. Кратно увеличилось количество и характер переводимых книг. На русский язык стала активно переводиться массовая литература (любовный и эротический роман, детективы, фантастика), книги, которые не смогли бы пройти цензурный фильтр еще в 1980-е гг. (например, романы Г. Миллера, И. Уэлша, К. Кизи и др.). Следствием свободы издательской деятельности стала конкуренция, которая привела к так называемому ухудшающему отбору: права на перевод приобретались на потенциально востребованную у широких масс бульварную литературу, эксплуатирующую традиционно «закрытые» в советском контексте темы. Как следствие, увеличилась потребность в переводчиках, а так как переводить нужно было быстро, то к работе привлекались не имеющие опыта профессиональной работы кадры: «Сейчас

рынок вырос многократно, и хороших переводчиков просто не может быть столько, чтобы обеспечить его потребности. К тому же изменилось и качество самой литературы, которую надо переводить. Незачем приглашать сильных профессионалов для перевода банальных любовных романов. Они и денег запросят больше, и переводить будут медленно. А простой студент за копейки сделает перевод быстро, хотя и не так качественно» [15].

Еще одним важным фактором, в значительной степени определившим облик русской переводной литературы рубежа веков, стал изменившийся характер речевых практик в обществе. В СМИ и публичной речи, не говоря уже о речи молодежи, наметилась тенденция к использованию самых разных типов сниженной лексики: «Просторечные и жаргонные элементы, такие, как баксы, халява, отвалить, крыша, крышевать, мочить, сидеть на игле, наехать, тусоваться и пр., стали настолько часто употребляться не только журналистами, но и политиками, депутатами, государственными служащими, что, говоря об общей тенденции к стилистической сниженности публичной речи, ученые увидели в этом процессе криминализацию, вульгаризацию и прочие негативные явления, имеющие разрушительные последствия» [24, с. 273]. Более того, «в 1991 году книги и периодические издания печатают ненормативную лексику уже без всяких оговорок» [3, с. 136]. Указанные процессы определили характер переводной литературы, которая в полной мере отразила «новый узус» русского языка. Тем не менее нельзя сказать, что в переводах 1990–2000-х гг. была выработана некая новая общая «стратегия», ориентирующаяся на новые языковые практики. Переводы этого времени объединяет стремление преодолеть «языковую стерильность» [11, с. 37] советской переводческой школы, граничащее с эпатажем.

В переводы рубежа веков входят самые разные виды просторечия и сленга, диалектные слова, пословицы и поговорки, криминальный жаргон и ненормативная лексика.

Само по себе использование перечисленных пластов лексики можно рассматривать как проявление общей тенденции доместикации (русификации) переводов и как масштабный стилистический эксперимент, мотивированный в одних случаях поиском адекватных средств для передачи на русский язык ранее не проходивших цензурный барьер произведений (в силу поднимаемых в них тем или использованных в них стилистических решений), а в других — общим пафосом стилистического эпатажа рубежа веков. Поиск русских «версий» И. Уэлша, К. Кизи или Ч. Буковски в контексте открывшейся языковой свободы требовал радикальных решений, которые в итоге по «смелости» превосходили оригинал. Так, В. И. Хайруллин отмечает, что в переводе романа Ч. Буковски “Post Office” («Почтамт», пер. М. В. Немцова) использовано 40 единиц обценной лексики, в то время как в оригинале таких единиц всего 29 [21, с. 301]. Более того, в переводах перечисленных авторов нередки случаи словотворчества в области нецензурной лексики. Учитывая, что нецензурная лексика в русском языке имеет более высокую степень табуированности, ее частотное использование в переводах само по себе можно рассматривать как элемент русификации.

Характерной чертой переводов анализируемого периода стало смешение разных типов сниженной лексики, активно проникавшей в разные сферы русского языка. В романе К. Кизи “Sometimes a Great Notion” («Порою блажь великая») лесорубы периодически изъясняются на смеси просторечия, сленга и жаргона (*ежели, ништяк, брателло, башиять, стакашек*) [7]. Стилистические контрасты, создаваемые использованием разностилевой лексики для передачи одного речевого субстандарта, неоднократно становились предметом обсуждения в том числе в переводах середины XX в. В переводах рубежа веков такое смешение часто приобретает ярко выраженный характер:

— “Stampede them logs downstream like they was wild horses!” <...> “’N’ if we’re lucky they’ll

rip out the whole rat's nest of the motherjumpers as they go stampedin' past!"

— "And we can drop a few blasting sticks amongst the booms to give them a good start." <...> "Attaboy! Now we're pickin' cotton!" [27, p. 435].

— Пустим бревнышки во весь опор по речке, что бешеных лошадок! <...> А ежели поведет, так они по пути снесут все окаянное крысиное гнездо!

— А можно еще и парой толовых шашек бревна подстегнуть, для пушего ускорения. <...>

— Точняк! Ништяк! [7].

Диминутивы, устаревшее просторечие (ежели, окаянное, пушего), вступают в противоречие с молодежным сленгом (точняк, ништяк). Общая стилистическая картина дополняется нецензурной лексикой и жаргоном, которые используются в этом переводе романа. Подобные примеры многочисленны:

A lowdown hipe! Them little chillun are goin' out that in git boozed [26, p. 110].

Подлая туфта! Ребятенки поперлись бухать [6].

Eddie knew it would really fuck the kid up [28, p. 47].

Эдди знал, что нужно сделать, чтобы ребяенок по-настоящему прибалдел [8].

В первом примере простонародное слово «ребяенок» использовано при передаче речи моряков в сочетании с разговорным сниженным «бухать» и жаргонным «туфта», во втором — в сочетании со сленговым «прибалдел» в речи, никак социально не маркированной (ср. второй пример в более позднем переводе: «Эдди знал, что нужно сделать, чтобы малыш по-настоящему завелся» [9, с. 227]). В приведенных фрагментах речь идет не о детях, а о молодых мужчинах. В таком значении в русской речи единица «ребяенок» используется только шутливо или иронически. Подобные «решения», которые, видимо, не являются результатом систематически реализуемой стратегии перевода, в какой-то момент стали признаком языковой свободы, если не элитарности, так

как в 1990-е г. «круги, уверенные в своем культурном статусе, склонны бравировать нарушениями табу» [3, с. 130–131]. В целом такой подход отражал речевые практики общества, для которого было характерно «смешение и, более того, неразличение стилистических регистров» [22, с. 74]. Границы между стилистическим экспериментом, эпатажем и безвкусицей в переводах анализируемого периода легко проницаемы, однако во всех случаях подобные стратегии приводят к русификации текста. Когда персонажи разных социальных слоев и профессий «базарят», «гонят пургу», используют обращения «чел», «бабец» или «фраер», эпитеты «стремный», «уматный» и т. п., это создает отчетливый национальный колорит, характеризующий определенный исторический период. Использование разных вариантов сниженной и нецензурной лексики стало яркой приметой переводов рубежа веков.

Не менее заметной чертой переводов этого периода стало снятие запрета на использование ярко маркированного просторечия и народной лексики для передачи речевых субстандартов. Если в середине XX в. вызвала острую полемику практика использования в переводах даже так называемых общенародных диалектизмов, переходящих в просторечие [16], то в анализируемый период практика меняется. Так, например, по мнению С. В. Силаковой, «чрезмерной русификации не существует, за исключением ситуаций, когда индеец говорит "Шо?"». В переводе речи афроамериканки в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» «есть гениальная фраза служанки-негритянки: "Мое дитяtko мне духи дорит". <...> Слово "дорит" — русификация, но оно в этом тексте совершенно органично и, более того, в нем вся героиня и вся ситуация» [18]. Решение вопроса о целесообразности таких форм доместикации связано с представлениями о «норме» переводного языка в конкретный исторический период и стилистическим чутьем конкретного переводчика. Так, С. Силакова отмечает возможность систематической передачи региональных особенностей

речи (что совпадает с общей позицией середины XX в.), поэтому компенсирует специфические речевые черты жителей Нового Орлеана синтаксически «в духе “На Дерибасовскую не проходят, на Дерибасовскую ме-е-едленно гуляют”», но избегает использования «одесских словечек» [18]. В переводах рубежа веков подобные ограничения регулярно нарушаются и чувство меры нередко изменяет переводчикам. Повар-шотландец так изъясняется в переводе романа К. Данфорд «Смерть на охоте» (“A Death in the Highlands”):

Good. Good. I'll just load this good man's tray up and then that's the toffs fed. Only the two of 'em so far. I'm about to start the folks' breakfast. There's supposed to be a young lassie of a housekeeper coming to give me orders, but I dinna think she's even out of bed yet! Sassenachs! [25].

Ну ладушки, ладушки. Сейчас мы с этим добрым человеком позаканчиваем нагружать поднос — туточки еда для джентльменов, которых, по счастью, пока всего двое, — и поразберемся. Я как раз поделываю завтрак для челяди. Говорят, в домоправительницы прислали совсем малипусенькую лэсси. Жду вот, когда она сюда позаявится и начнет раздавать мне указушки. Хотя девчушка небось дрыхнет еще. Эти англиши — знатные лежебоки! [2].

Среди обилия просторечия и общенародных диалектизмов в приведенном фрагменте особенно выделяются слова с приставкой «по-» («позаканчиваем», «поразберемся», «поделываю», «позаявится»), а далее по тексту — «повтолковывать», «понайдется», «пооставаться», которые в русской речи используются ограниченно для указания на разный характер действия (например: многократное, постепенное, неторопливое). Не может рассматриваться использование этих глаголов и как попытка передать идиостилевые характеристики речи. Общий стилистический контекст контрастирует с элементами форенизации (лэсси, англиши).

Намеренная русификация и даже использование разных видов просторечия оказывается оправданной в тех случаях, когда на русский язык передается намеренная,

а значит, столь же несистематическая имитация социально-маркированной речи. Подобной практики мы не находим в переводах середины XX в. Так, в романе И. Макьюэна “Atonement” («Искупление») один из персонажей пародирует кокни:

It's me 'art, Nurse. It's always been on the wrong side. Me mum was just the same. Is it true your baby comes out of your bottom, Nurse? <...> I 'ad six nippers, then I goes and leaves one on a bus, the eighty-eight up from Brixton. <...> Really upset, I was. Cried me eyes out [30, p. 289–290].

Сестра, сэрце у мене прыгат. Оно у мене не с той стороны. У мамыши также было», «А правда, шо дети выпрыгиват снизу, сестра? <...> У мене было шесть ребятенков, потом поехала я на автобусе, на восемьят восьмом, из Брикстона, и потеряла одного. <...> Уж как я убивалась — все глазоньки выплакала [12].

В переводе намеренно смешаны разные виды просторечия (простонародное, городское) и манерное «сэрце», имеющее иронически-саркастический характер (ср. в романе Ю. Нагибина «Тьма в конце туннеля» — «Бедное сэрце навеки разбито»). В данном случае можно говорить о намеренной последовательной русификации, цель которой состоит в создании комического эффекта. Подобные примеры характерны в том числе для киноперевода. Так, например, в ситкоме «Теория большого взрыва» (в переводе Кураж-Бамбей) преувеличенная имитация техасского акцента регулярно передается просторечием («Шо ты там сказанула о моей бабочке», «Вообще-то, если никто не против, я бы хлебнул техасского пивка»). В этом же переводе «локализована» часть реалий (например, «Cheesecake Factory» — «Сырники от тети Глаши»). Сложно спорить с исследователями, которые считают подобную практику неуместной при наличии адекватных средств перевода: использование названия «Сырники от тети Глаши» «вряд ли можно считать уместным. Во-первых, он не имеет ничего общего с оригиналом, во-вторых, чизкейк уже давно знакомый русскому потребителю десерт, а слово прочно

вошло в словари» [13, с. 194]. Тем не менее это не мешает зрителю, который принимает такую игру, предпочитать перевод, сделанный студией Кураж-Бамбей, всем остальным. В связи со сказанным уместно вспомнить, что в одной из публикаций К. И. Чуковский хвалит чрезмерно русифицированный перевод «Пиквикского клуба», сделанный И. Введенским, за то, что он смешнее в сравнении с более точным переводом, выполненным в тот же исторический период [23, с. 3]. Живость языка перевода И. Введенского, несмотря на русификацию, переходящую в «локализацию» (например, слуги John и Mary в переводе становятся Иваном и Марьей), не помешали И. Кашкину сказать: «Перевод Введенского прожил почти столетие и живет по сейчас» [4, с. 213]. На рубеже XXI в. переводческие решения также нередко склоняются в пользу живости и непосредственности языка, нарушая нормативно предписанные и апробированные на практике стратегии. В переводе Р. Ружже (1996) фантазийный пират в романе С. Кинга изъясняется просторечно-народным языком, откровенно русифицирующем его речь:

You better know sommat, 'less you want me to rip your ever-lovin spine right outcher back [29, p. 473].

Лучше припомни-ка чего ни то. Ну, конешное дело, коли кому охота, чтоб я выдрал ему из спины хребтину, так ее распротак... [9].

В переводе Т. Ю. Покидаевой (1997) этот же фрагмент передан в стиле переводов середины XX в.:

Ты лучше что-нибудь вспомни, если, конечно, не хочешь, чтобы я выдрал позвонки из твоей нежной спинки [10, с. 908].

С позиций преобладающих преставлений прескриптивного переводоведения русификация в данном случае не оправданна, однако массовый читатель склоняется в пользу именно такого варианта. Только в переводе Р. Ружже «можно понять, чем отличается высокий слог от обычной речи... просто

прочтите ту часть, где появляется Гашер... От его перлов я умирал!» [19].

В данном коротком обзоре я не касаюсь аспектов доместикации, которые не имеют выраженного систематического характера. Если в речи женского персонажа из высшего общества неожиданно появляется русская пословица или на общем стилистическом фоне перевода явно выделяются отдельные русизмы («как сивый мерин», «кислых щей доктор»), если отдельные литературные выражения подменяются молодежным сленгом или жаргоном 1990-х гг., то нет смысла искать в этом закономерность. Такие «находки» дополняют общую картину переводов рубежа веков и говорят больше о политике издательств и квалификации переводчиков, чем о русской переводческой культуре.

Обобщая сказанное, можно сделать ряд выводов. На рубеже XX–XXI вв. преодолевается стабильность «узуса» языка русской переводной литературы, для которого характерно консервативное и сдержанное отношение ко всем формам доместикации (русификации). Изменения были обусловлены, с одной стороны, «языковой свободой» речевых практик 1990-х гг., в том числе в области средств массовой информации и литературы, а с другой — обращением переводчиков к массовой литературе и к новым жанрам, которые не переводились в советский период. Элементы доместикации в переводах анализируемого периода проявились в широком использовании и смешении просторечия, жаргона, сленга, простонародной и нецензурной лексики. Такое смешение ведет не только к явной русификации, но и нередко ассоциируется у читателя с определенным историческим периодом. Еще одним элементом русификации стало использование просторечия, тяготеющего к народной лексике, для передачи региональных или социальных субстандартов. В переводах наметилась тенденция к предпочтению естественности и живости языка, даже если следствием такой стратегии становилась явная русификация текста. Вместе с тем та-

кой подход нередко приводил к нагромождению просторечных и жаргонных элементов, что не решало какой-либо осмысленной художественной задачи.

В заключение необходимо отметить, что указанные тенденции проявлялись не во всех переводах и не всегда равномерно. Описан-

ные элементы русификации заслуживают отдельного внимания и требуют осмысления с учетом жанровых характеристик переводившихся произведений и задач, опыта конкретных переводчиков и задач, которые перед ними ставили конкретные издательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горохова Р. М.* Драматургия Гольдони в России XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы / под ред. М. П. Алексеева. Л.: Наука, 1967. С. 307–348.
2. *Данфорд К.* Смерть на охоте / пер. О. Павловской. М.: Эксмо, 2019. 288 с.
3. *Зорин А.* Легализация обценной лексики и ее культурные последствия // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир. 1996. С. 121–142.
4. *Кашкин И.* Мистер Пиквик и другие // Литературный критик. 1936. № 5. С. 212–228.
5. *Кашкин И.* Для читателя-современника. М.: Советский писатель, 1977. 558 с.
6. *Керуак Д.* Море — мой брат. Одинокий странник / пер. З. Мамедьярова, Е. Фоменко, М. Немцова. СПб.: Азбука, 2015. 348 с.
7. *Кизи К.* Порою блажь великая / пер. Д. Сабарова. М.: Эксмо, 2006. 671 с.
8. *Кинг С.* Стрелок / пер. Н. Ачеркан, Р. Ружже. М.: Сигма-пресс, 1995. [Электронный ресурс]. URL: https://thelib.ru/books/king_stiven/strelok_per_r_ruzhzhzhe-read.html (дата обращения 12.08.2023).
9. *Кинг С.* Бесплодные земли / пер. Р. Ружже. Львов: Сигма, 1996. 432 с.
10. *Кинг С.* Стрелок. Извлечение троих. Бесплодные земли / пер. Т. Ю. Покидаевой. М.: АСТ, 2014. 1006 с.
11. *Коренева М. Ю.* История русской переводной литературы сквозь призму развития русского литературного языка // Res traductologica: Перевод и сравнительное изучение литературоведение: К восьмидесятилетию Ю. Д. Левина / под ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2000. С. 11–37.
12. *Макьюэн И.* Искупление / пер. И. Я. Дорониной. М.: АСТ; Люкс, 2004. 413 с.
13. *Мурашко С. Ф., Рудакова С. В., Касатикова А. А.* Особенности перевода современного англоязычного сленга (на материале перевода сериала «Теория большого взрыва») // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Omega science, 2021. С. 192–196.
14. *Панькин В. М., Филиппов А. В.* Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта; Наука, 2011. 156 с.
15. Перевод на переломе // Полит.ру, 22 мая 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/articles/kultura/perevod-na-perelome-2008-05-22/> (дата обращения 12.08.2023).
16. *Петров С.* О пользе просторечия // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1963. С. 71–96.
17. *Разумовская В. А., Валькова Ю. Е.* Доместикация, форенизация и остранение в переводе: исторический аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. № 40. С. 111–123.
18. *Силакова С.* В большинстве случаев читатель не задумывается, перевод перед ним или нет // Русский журнал, 4 апреля 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/krug/20020403_kalash.html (дата обращения 15.11.2002).
19. Стивен Кинг. Обсуждение творчества // Лаборатория фантастики, 18 мая 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://fantlab.ru/forum/forum14page1/topic2569page128#msg1029057> (дата обращения 12.08.2023).
20. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
21. *Хайруллин В. И.* О брутальности перевода // Язык. Культура. Перевод: научные парадигмы и практические аспекты: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. А. Иконниковой, Н. Д. Паршиной. М.: Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 2020. С. 298–303.
22. *Чужакин А. П., Алексеева И. С., Романчик Р. Э., Кару К., Кондаков Б. В. и др.* Русский язык: системный кризис? // Вестник Пермского научного центра. 2015. № 1. С. 66–86.
23. *Чуковский К. И.* Хартия вольностей переводчика // Литература и искусство. 1943. № 31 (83). С. 3.

24. Шаззо А. А. Тенденция к демократизации языка в качественной прессе начала третьего тысячелетия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2012. № 3. С. 272–276.
25. Dunford C. A death in the highlands. [S. l.]: Accent Press, 2013. 178 p.
26. Kerouac J. The sea is my brother. Boston: Da Capo Press, 2012. 223 p.
27. Kesey K. Sometimes a great notion. London: Methuen Paperbacks Publ., 1979. 637 p.
28. King S. The drawing of the three. New York: Plume Publ., 1989. 422 p.
29. King S. The waste lands. New York: Viking Publ., 2003. 597 p.
30. McEwan I. Atonement. London: Vintage Books Publ., 2005. 371 p.
31. Paloposki O. Domestication and foreignization // Handbook of translation studies. Vol. 2 / ed. by Y. Gambier, L. van Doorslaer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2011. P. 40–42.
32. Venuti L. The translator's invisibility: A history of translation. London; New York: Routledge Publ., 1995. 353 p.
33. Venuti L. Translation as cultural politics: Regimes of domestication in English // Critical readings in translation studies / ed. by M. Baker. London; New York: Routledge Publ., 2010. P. 65–79.

REFERENCES

1. Gorokhova R. M. Dramaturgiya Gol'doni v Rossii XVIII veka // Epokha Prosveshcheniya. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoj literatury / pod red. M. P. Alekseeva. L.: Nauka, 1967. S. 307–348.
2. Danford K. Smert' na okhote / per. O. Pavlovskoj. M.: Eksmo, 2019. 288 s.
3. Zorin A. Legalizatsiya obstsvennoj leksiki i ee kul'turnye posledstviya // Anti-mir russkoj kul'tury: Yazyk. Fol'klor. Literatura / sost. N. Bogomolov. M.: Ladomir. 1996. S. 121–142.
4. Kashkin I. Mister Pikvik i drugie // Literaturnyj kritik. 1936. № 5. S. 212–228.
5. Kashkin I. Dlya chitatelya-sovremennika. M.: Sovetskij pisatel', 1977. 558 s.
6. Keruak D. More — moj brat. Odinokij strannik / per. Z. Mamed'yarova, E. Fomenko, M. Nemtsova. SPb.: Azbuka, 2015. 348 s.
7. Kizi K. Poroyu blazh' velikaya / per. D. Sabarova. M.: Eksmo, 2006. 671 s.
8. King S. Strelok / per. N. Acherkan, R. Ruzhze. M.: Sigma-press, 1995. [Elektronnyj resurs]. URL: https://thelib.ru/books/king_stiven/strelok_per_r_ruzhze-read.html (data obrashcheniya 12.08.2023).
9. King S. Besplodnye zemli / per. R. Ruzhze. L'vov: Sigma, 1996. 432 s.
10. King S. Strelok. Izvlechenie troikh. Besplodnye zemli / per. T. Yu. Pokidaevoy. M.: ACT, 2014. 1006 s.
11. Koreneva M. Yu. Istoriya russkoj perevodnoj literatury skvoz' prizmu razvitiya russkogo literaturnogo yazyka // Res traductonica: Perevod i sravnitel'noe izuchenie literaturovedenie: K vos'midesyatiletiju Yu. D. Levina / pod red. V. E. Bagno. SPb.: Nauka, 2000. S. 11–37.
12. Mak'yuen I. Iskuplenie / per. I. Ya. Doroninoy. M.: AST; Lyuks, 2004. 413 s.
13. Murashko S. F., Rudakova S. V., Kasatikova A. A. Osobennosti perevoda sovremennogo angloyazychnogo slenga (na materiale perevoda seriala "Teoriya bol'shogo vzryva") // Sovremennye problemy i perspektivnye napravleniya innovatsionnogo razvitiya nauki: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa: Omega science, 2021. S. 192–196.
14. Pan'kin V. M., Filippov A. V. Yazykovye kontakty: kratkij slovar'. M.: Flinta; Nauka, 2011. 156 s.
15. Perevod na perelome // Polit.ru, 22 maya 2008. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://polit.ru/articles/kultura/perevod-na-perelome-2008-05-22/> (data obrashcheniya 12.08.2023).
16. Petrov S. O pol'ze prostorechiya // Masterstvo perevoda. M.: Sovetskij pisatel', 1963. S. 71–96.
17. Razumovskaya V. A., Val'kova Yu. E. Domestikatsiya, forenizatsiya i ostranenie v perevode: istoricheskij aspekt // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. 2017. № 40. С. 111–123.
18. Silakova S. V bol'shinstve sluchaev chitalel' ne zadumyvaetsya, perevod pered nim ili net // Russkij zhurnal, 4 aprelya 2002. [Elektronnyj resurs]. URL: http://old.russ.ru/krug/20020403_kalash.html (data obrashcheniya 15.11.2002).
19. Stiven King. Obsuzhdenie tvorchestva // Laboratoriya fantastiki, 18 maya 2008. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fantlab.ru/forum/forum14page1/topic2569page128#msg1029057> (data obrashcheniya 12.08.2023).
20. Fedorov A. V. Osnovy obshchej teorii perevoda. 4-e izd. M.: Vysshaya shkola, 1983. 303 s.
21. Khajrullin V. I. O brutal'nosti perevoda // Yazyk. Kul'tura. Perevod: nauchnye paradigmy i prakticheskie aspekty: sbornik nauchnykh trudov: v 2 ch. Ch. 1 / pod red. V. A. Ikonnikovej, N. D. Parshinoy. M.: Odintsovskij filial MGIMO MID Rossii, 2020. S. 298–303.

22. Chuzhakin A. P., Alekseeva I. S., Romanchik R. E., Karu K., Kondakov B. V. i dr. Russkij yazyk: sistemnyj krizis? // Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra. 2015. № 1. S. 66–86.
23. Chukovskij K. I. Khartiya vol'nostej perevodchika // Literatura i iskusstvo. 1943. № 31 (83). S. 3.
24. Shazzo A. A. Tendentsiya k demokratizatsii yazyka v kachestvennoj presse nachala tret'ego tysyacheletiya // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie. 2012. № 3. S. 272–276.
25. Dunford C. A death in the highlands. [S. l.]: Accent Press, 2013. 178 p.
26. Kerouac J. The sea is my brother. Boston: Da Capo Press, 2012. 223 p.
27. Kesey K. Sometimes a great notion. London: Methuen Paperbacks Publ., 1979. 637 p.
28. King S. The drawing of the three. New York: Plume Publ., 1989. 422 p.
29. King S. The waste lands. New York: Viking Publ., 2003. 597 p.
30. McEwan I. Atonement. London: Vintage Books Publ., 2005. 371 p.
31. Paloposki O. Domestication and foreignization // Handbook of translation studies. Vol. 2 / ed. by Y. Gambier, L. van Doorslaer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2011. P. 40–42.
32. Venuti L. The translator's invisibility: A history of translation. London; New York: Routledge Publ., 1995. 353 p.
33. Venuti L. Translation as cultural politics: Regimes of domestication in English // Critical readings in translation studies / ed. by M. Baker. London; New York: Routledge Publ., 2010. P. 65–79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АЧКАСОВ Андрей Валентинович — *Andrei V. Achkasov*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [7942-3110](#), Scopus AuthorID: [57204802053](#), ORCID: [0000-0002-7637-4960](#), e-mail: avachkasov@herzen.spb.ru

Доктор филологических наук, профессор, директор института иностранных языков.

Поступила в редакцию: 5 сентября 2023.

Прошла рецензирование: 10 октября 2023.

Принята к печати: 26 октября 2023.